А. Ю. Талья, В. А. Ушаков

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН И АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМАТИКА В ОСВЕЩЕНИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

Максим Максимович Ковалевский оказался «самой яркой фигурой в русской либеральной историографии»[1]. Его исследования отличались масштабностью, за ним заслуженно закрепилась известность как «выдающегося историка нового времени», «обеспечившего признание русской исторической науке на Западе»[2]. Перечень научных и общественных интересов М. М. Ковалевского обширен, а список лишь опубликованных в 1875–1977 гг. работ составил 681 наименование[3]. О жизненном пути и взглядах Ковалевского, его общественной деятельности и вкладе в развитие российской науки и образования писали уже многие исследователи и, как уточнил один из этих авторов, «сегодня продолжают выходить книги и статьи, что <…> позволяет утверждать о сложившейся в российской историографии традиции “Ковалевсковедения”»[4]. В русле этого направления появлялись работы специализированные[5] и обстоятельные труды общего плана[6]. Был отмечен интерес М. М. Ковалевского к сюжетам американской истории и современной ему общественно-политической жизни США[7]. Однако означенная тема не исчерпана, поэтому ее развитию применительно к «американской демократии» и жизни и деятельности ее поборника Томаса Джефферсона посвящена настоящая работа.

Обстоятельства в жизни М. М. Ковалевского способствовали познанию американской проблематики. Закончив в 1872 г. юридический факультет университета в Харькове, Ковалевский «продолжил свое образование в Германии, Франции и Англии». При Московском университете М. М. Ковалевский в 1877 г. сдал магистерский экзамен, в 1778 г. защитил магистерскую и в 1880 г. докторскую диссертации. Он значительное время преподавал в известных учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга и, участвуя в общественной жизни, приобрел заслуженное признание и как «ученый с мировым именем, историк, юрист, социолог и этнограф» и как

© Талья А. Ю., Ушаков В. Н., 2013

лектор, «чрезвычайно популярный в среде студенческой молодежи». В 1914 г. М. М. Ковалевский стал действительным членом Петербургской Академии наук, а до этого он в 1882 г. и в 1901 г. совершил две поездки в США, в ходе которых ознакомился с этой страной, воочию наблюдал за жизнью американцев и осуществлял насыщенные научные программы[8]. Таким образом, он как исследователь и преподаватель смог соединить в своей деятельности отдельные стороны и черты, характерные для московского и петербургского направлений крепнувшей тогда в России американистики. А последняя все активнее заявляла о себе как составная часть определившихся и крепнувших Петербургской и Московской исторических школ, объединявших не только специалистов по российской истории, но и ученых, занятых разработкой разных эпох и тем по истории зарубежных стран[9].

М. М. Ковалевский в сравнении со многими его современниками-преподавателями активнее привлекал американские материалы. В лекционных курсах, предназначенных для студентов Политехнического института в Санкт-Петербурге и составленных при их участии, профессор Ковалевский расширил перечень известных американцев, оказавших особое воздействие на ход событий в Северной Америке. Помимо имен привычных героев (Дж. Вашингтона и Б. Франклина) профессор приводил имена и других видных политиков (Дж. Адамса, Дж. Мэдисона), усилия которых были направлены на укрепление американской государственности. Подчас слушатели и читатели узнавали мало известные факты (скажем о том, что для Вашингтона «…сделался настольной книгой “Дух законов” Монтескье»), они ознакомились и с взглядами демократа Т. Пейна. Лектор характеризовал политико-государственное устройство США как «демократической республики» с системой представительного правления, сообщал сведения, способствовавшие более емкому пониманию обстановки в молодой республике и поведения того же Джефферсона (пример, ремарка о том, что государственных секретарей нельзя считать руководителями «внутренней и внешней политики»)[10].

М. М. Ковалевский в лекциях при освещении тех или иных поворотов или особенностей общественно-политической жизни США упоминал и Т. Джефферсона. Так, в сообщении об обретении страной независимости историк с долей осторожности констатировал, что «мотивирование этого решения было поручено Джефферсону, который является поэтому автором знаменитой “Декларации независимости”». По ходу лекции приводились «вычисления» Джефферсоном стоимости для американцев Войны за неза-

висимость (140 млн. долл.), отмечалась поддержка, оказанная Джефферсоном Дж. Вашингтону при перевыборах последнего на второй президентский срок. Обозначен был и вклад либерально-демократических деятелей в решение вопроса о Западных землях. Тогда инициатива пенсильванца «Вениамина Раша» об обязательном выделении участка «на нужды образования» при продаже земель в частные руки получила в Конгрессе содействие со стороны Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона. Ковалевский указывал и на особенность четвертых президентских выборов (36 переголосований кандидатур Т. Джефферсона и А. Бэрра на пост президента страны), побудившую в итоге принять 12 поправку к Конституции США[11]. Однако известный профессор не представил в лекции развернутый рассказ о взглядах и действиях Джефферсона, сопоставимый по объему и значению с материалами в работе его современника – профессора С. Ф. Фортунатова. Фортунатов высказывал более связанные воедино концептуальные оценки таких данных, отчасти прояснявших события ранней американской истории и роль в них выдающегося американца[12].

Профессор Ковалевский прилагал значительные усилия для подробного освещения процессов и перемен, связанных с установлением в странах Запада представительного правления, норм парламентской деятельности и участия партий в общественно-политической борьбе[13]. В рамках проекта по изучению политического строя «современных государств» он в 1905 г. опубликовал емкий раздел о государственности «Северо-Американских Соединенных Штатов». В нем автор изложил историю создания Конституции США и принятия поправок к ней, характеризовал ветви и отдельные институты власти, рассказал о полномочиях президента страны и членов его администрации. Был затронут вопрос и о зарождении и развитии в стране политических партий[14]. Некоторые из этих материалов Ковалевский использовал и в других работах. В частности, это касалось сведений о действиях Т. Джефферсона, которые именитый профессор с небольшими изменениями приводил в рассмотренной публикации за 1906 г. («От прямого народоправства к представительству…») и в изданной при содействии «Кассы Взаимопомощи» С.-Петербургского Политехнического Института ранее охарактеризованной лекции за «1907−08 уч. год» («История Американских Учреждений»)[15].

Часть этих же материалов фигурировала и в других работах М. М. Ковалевского. Причины повторений крылись в универсальности сведений по американской истории и участии в общественно-политической жизни США Джефферсона, а также в ограниченном доступе российских авторов

в конце XIX – начале XX в. к зарубежным источникам и научной литературе. Еще одно обстоятельство, объяснявшее подобные повторы, заключалось в том, что лекционные курсы подчас публиковали на основе записей слушателей и, возможно, по их инициативе. А раз так, то в силу несовершенства восприятия и фиксации материалов на слух, каждый набор слушателей мог основываться на какой-то общей базе лекций, вносить в нее некоторые изменения, уточнения и иную правку, что при сохранении сходства текстов рождало и отличия. Кроме того, по мере чтения курсов автор мог усложнять, перерабатывать и насыщать их новыми сведениями, а какие-то материалы переносить в другие работы[16]. Так, в одном переплете под заглавием «История Американской Конституции» оказались материалы по истории американских учреждений и собственно государства и Конституции США[17].

Означенная работа оказалась достаточно редкой и в крупных библиотеках современного Санкт - Петербурга печатный экземпляр отсутствует. Эта литография была подготовлена в Москве в 1890 (1891) г. и часть американских (джефферсоновских) материалов ученый использовал в более поздних по срокам публикациях. В частности, то были сведения о том, что «Джефферсон, Ден и Мадисон» при разработке законов 1785 и 1787 гг. прилагали усилия к тому, чтобы в каждом из распродаваемых массивов западных земель резервировать участок (или 2 участка) для развития образования. В литографии были допущены опечатки дат обсуждения этих законопроектов, хотя лектор и полагал, что они «навсегда останутся связанными с именами Джефферсона, Кинга и Дена». В том же разделе «о поземельной политике американской федерации» Ковалевский выделил стремление Джефферсона не допустить распространение рабства на западные территории. При обсуждении законопроекта 1787 г. эту радикальную статью из первоначального проекта Джефферсона попытались было исключить, но, указал российский историк, по результатам борьбы в Конгрессе [Конфедерации] вновь в законопроект решили добавить «статью против рабства, впервые редактированную Джефферсоном». И в лекции сообщалось: «С прибавлением к изготовленному проэкту статьи против рабства, которая в существе своем была повторением плана, задуманного и предложенного Джефферсоном и Кингом, проэкт прошел в Конгрессе единогласно и сделался законом 1787 года»[18].

Вторая часть литографии «История американской конституции» содержит подробный рассказ собственно о процессах конституционного развития США. Этот рассказ включал и разбор тех проектов устройства страны,

которые М. М. Ковалевский обозначил как «первые опыты американской федерации». В этой части литографии можно встретить как уже знакомые (по другим работам) материалы о деятельности Т. Джефферсона, так и не столь тиражируемые в печатных трудах российских американистов утверждения. Согласно тексту литографии, американцев к разрыву политико-государственных отношений с Великобританией усердно подталкивали С. и Дж. Адамсы, а «мотивирование этого решения было поручено Джефферсону». В работе сообщалось о структуре и содержании «Декларации независимости» США, подготовленной с учетом исторического опыта и наработок, известных ее автору. Ковалевский зафиксировал следующее: «затем Джефферсон переходит к перечислению всех тех действий, в которых Георг III проявил свое посягательство на основные права человека. Это перечисление сделано по образцу того, какое мы встречаем в декларации 1688 г.», поведавшей миру о причинах, приведших «к вторичному низвержению династии Стюартов»[19].

По логике российского ученого, Джефферсон не проявлял излишней оригинальности, а для обеспечения победы американских патриотов использовал как прецедент позитивный опыт и наработки революции в Англии. Последние были известны и понятны жителям Британской империи, что усиливало проамериканский пропагандистский запал «Декларации независимости». Следовательно, ее автор не был виновен в плагиате и выступал не просто исполнителем воли радикального крыла в лагере американских патриотов, а подошел к выполнению своей миссии с весьма творческих позиций. В очерке же об исполнительной власти Джефферсон упоминался всего один раз. Он в ходе борьбы за пост президента США в полной мере испытал воздействие несовершенных статей скороспелого конституционного документа. «Поначалу, – утверждал Ковалевский, – конституцией определено было, что вицепрезидентом будет тот, кто получит наибольшее после президента число голосов, а именно Джефферсон и Аарон Бур (убивший на дуэли Гамильтона). Понадобилась перебаллотировка им тридцать шесть раз, пока один патриот не переменил свой шар и таким образом содействовал назначению Джефферсона»[20]. В достаточно кратком абзаце отразилось весьма позитивное восприятие Ковалевским личности политического лидера и роли Т. Джефферсона в истории США. Ибо, политико-моральную позицию российского автора, его отношение к Джефферсону раскрыла всего одна фраза, одно слово в этой цитате. А именно, истинный «патриот» не мог голосовать за никчемного кандидата, к тому же на столь важных выборах, как президентские выборы 1800 г.

Отсюда и вырисовывалось отношение российского ученого к означенным участникам судьбоносных событий в период становления американской государственности и демократии.

Позитивный подход к изучению важных сторон американской демократии, воззрений и деятельности Т. Джефферсона в годы двух революций – американской и французской, М. М. Ковалевский демонстрировал и в подготовленном и опубликованном в Москве на рубеже XIX–XX вв. исследовании «Происхождение современной демократии». В короткий срок оно выдержало три издания и рецензии на него поместили многие печатные органы, что и подтверждало его значение для читательской аудитории в России[21]. В этом труде, прежде всего в главе «Англомания и американофильство», автор охарактеризовал воздействие, которое политические доктрины в изложении А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Адамса, Т. Джефферсона и других американцев, их публикации о жизни общества, государственном устройстве и конституции заокеанской республики оказывали на теоретические разработки и конкретные предложения видных умов Франции. Российский ученый обратил внимание и на переписку и личное общение американцев с французами, когда «представители либерального движения» во Франции знакомились с «принципами американской свободы в тесном общении с Джефферсоном <…> американским агентом в париже» (написано со строчной буквой – Авт.)[22].

Интересные материалы и умозаключения М. М. Ковалевский приводил о состоянии американской демократии и ее основных чертах, получивших отражение в принятых в эпоху борьбы за независимость США важнейших документах.

Среди таковых назывались (федеральная) конституция Соединенных Штатов и конституции штатов, в первую очередь основной закон штата Пенсильвания, не устанавливавший имущественный ценз для участия в выборах. Согласно замечаниям российского историка, прослеживалось воздействие государственных документов и заведенных в Америке порядков на французское общество (пример влияния «Декларации Виргинии на проект Лафайета»). При этом Ковалевский указывал на весьма умеренный характер федеральной конституции – как гарантии прав и свобод населения. Историк полагал, что такие положения не вошли в ее текст, а были приняты в виде конституционных поправок («Билля о правах») только в 1791 г. По его мнению, для основного закона США были характерны размытые формулировки, и этим он отличался от конституции Виргинии, содержавшей «философское изложение начал народнаго самодержавия».

Как и ранее американцы, французы кроме свободы включили в «число естественных прав человека <…> собственность и ея неприкосновенность» и «к обоим началам» присоединили еще равенство, понимаемое в американском смысле, т. е. в смысле равенство перед законом и судом, «отнюдь не равенство состояний». Автор книги полагал, что опыт демократии по-американски не дал французам и возможность узреть ее недостатки (к примеру, связанные с избранием кандидатов на должность). Таким путем читатель убеждался в воздействии на французов американского примера и в довольно-таки ограниченном демократизме его радетелей по обе стороны Атлантического океана[23].

А о воззрениях и политической позиции собственно Т. Джефферсона читатель судил по рассказу об отношении этого американца к событиям в предреволюционной и революционной Франции. С одной стороны, Джефферсон осуждал «обращение французской монархии в чистую деспотию» и сочувственно относился к борьбе третьего сословия за «возстановление народнаго представительства» (лето 1789 г.). С другой стороны, согласно приведенным Ковалевским материалам, по мере того как стремление масс к низвержению тысячелетней монархии и угнетения в обществе стало нарастать, Джефферсон в обширной корреспонденции к Пейну, Прайсу, Адамсу, Вашингтону и другим лицам обнаруживал «главнейшее препятствие к упрочению политической свободы во Франции <…> в нравственной испорченности французов». А в письме к Мэдисону (ноябрь 1788 г.) он заявлял о том, что «французский народ еще не созрел для тех благ свободы, на которые он имеет право». Наметившийся дрейф Джефферсона к осторожно-негативному восприятию нараставшей революционной стихии и упование на верхушечные реформы во Франции и едва ли не на добрую волю короля – «патриота», Ковалевский тщательно выделял и отслеживал. Историк для подтверждения умеренности политических воззрений и в целом позиций американского дипломата мимоходом лишал его и ореола теоретика американской революции. Коснувшись «мнимого манифеста Джефферсона», в примечании к этой фразе Ковалевский сообщал: «В последнее время приходят к заключению, что “декларация независимости” не имела своим автором Джефферсона»[24].

Итак, Джефферсон в интерпретации Ковалевского представал скорее как либерал или весьма умеренный и рассудительный демократ, осознававший границы разумного и дозволенного для участников революционных выступлений. Соответственно от американцев отличались и поколения французов, еще не усвоивших нормы права и традиции английской

свободы и не прошедших серьезной школы самоуправления. Отчасти и поэтому для «нравственно инертных» европейцев (будь то во Франции или в России)[25] предпочтительным оказывался путь постепенных и выверенных реформ. «Слишком большая поспешность в проведении реформ, – констатировал историк, – не встречала сочувствия Джефферсона, но он даже открыто присоединился к тем, кто думал, что инициативу в деле отмены злоупотреблений и в устройстве Франции на новых началах должно принять на себя само правительство». И что же, согласно Ковалевскому, в ноябре 1788 г. Джефферсон мог советовать французам? В обращениях «к Мадиссону и Дже» (Дж. Джею. – Авт.) от 18 и 19 ноября» американский дипломат утверждал: «Невозможно реформировать сразу вековые злоупотребления; необходимо добиться сначала того, что так легко достижимо, на что само правительство готово пойти, как-то: периодичность в созыве народнаго представительства, права его вотировать налоги и регистрировать законы, предлагая к ним изменения». В дальнейшем следовало добиваться во Франции отмены цензуры, «установления бюджета, а также и других существенных реформ в образе правления». Профессор Ковалевский писал и о том, что Джефферсон «даже составил примерный текст» королевской декларации, «подобной, по крайней мере по форме, той, которая так неудачно предложена была Людовиком XVI-м на заседании 23 июня 1789 года». О судьбе подготовленного американцем документа российский ученый не сообщал, но он перечислил круг всевозможных реформ «добровольно даруемых правительством» Франции, как-то: «исключительное право (Генеральных. – Авт.) штатов вотировать бюджет, их участие наравне с королем в законодательной деятельности, личную свободу и свободу печати». Впрочем, Джефферсон «старался воздержать патриотов от слишком резкой оппозиции двору» и, по заключению профессора, известный американец даже временно «готов был поступиться» в вопросах введения гарантий личной свободы и свободы печати, которые «повидимому особенно были ему дороги»[26].

Если учитывать время и обстоятельства написания исследования «Происхождение современной демократии», то вполне можно предположить, что ее автор – либеральный историк. М. М. Ковалевский весьма тщательно подбирал и цитировал суждения современников и очевидцев революции во Франции. Эти выдержки не только проливали свет на историю уже далекого XVIII столетия, но с помощью таких материалов ученый мог указывать и на некоторые острые проблемы в самодержавной империи Романовых. Иными словами, «устами» Джефферсона вольно или невольно М.

М. Ковалевский озвучил и вызревавшие программные требования и установки либеральных кругов в России в период, предшествовавший революции 1905–1907 гг. В чем-то этой же цели могли служить и приведенные в книге сведения и заявления о политико-государственном строе США. Для характеристики притягательных для французов в XVIII в. (и для русских в преддверье века XX) установлений в заокеанской республике профессор Ковалевский ссылался и на мнение Ливингстона о преимуществах американской конституции перед английской. Последняя не представляла собой единого текста, а американская в виде компактного документа вводила четкое разделение ветвей государственной власти и «в основе гражданского и политического строя принцип равенства» – в этом она также расходилась с английской. «На принципе равенства, – утверждал Ливингстон, – построено все здание американской демократии». В книге Ковалевский, правда, оговаривал, что в Америке этот принцип не распространялся на имущественные отношения в обществе, но он без оговорок подробно цитировал слова американца о сути взаимоотношений народа и власти в молодой республике: «Вся политическая власть в Америке, – утверждал Ливингстон, – или сосредоточена в руках народа, или проистекает от него, как от первоисточника. Администраторы – не более, как его уполномоченные и он (народ. – Авт.) в праве менять их весьма часто. Сама конституция – его (народа. – Авт.) создание, и ничто не мешает ему <…> изменить ее во всякое время и даже установить новую». А в качестве весомых добавлений были названы укоренившиеся в Америке «драгоценные политические изобретения» – как-то: народное представительство и суд присяжных[27].

Дальнейшие материалы о политико-государственном устройстве США и порядках в этой стране Ковалевский черпал из писем Т. Джефферсона. В уцелевшем письме к аббату Арну от 19 июля 1789 г. американский дипломат развернуто объяснял устройство образованной при его участии республики. «Мы, – писал он, – признаем истиной в Америке, что необходимо допустить народное участие во всех сферах государственной жизни, но в известных границах, указанных самой природой. Мы думаем, что это единственный путь в обеспечении прочнаго, неизменчиваго и честнаго правительства. Из этого общаго положения <…> [следует] тот вывод, во-первых, что не осуществляя сам исполнительных функций, народ призван к выбору лица, которому поручается этот вид власти. У нас этот выбор производится каждые четыре года (разумеется выбор президента), во-вторых, народ не призван осуществлять непосредственно и законодательную власть, почему он и допускается нами только к выбору законо-

дателей; в третьих, – развивал свою мысль Джефферсон, – не его также дело судить о вопросах права, но зато он вполне способен высказываться в вопросах факта; и вот почему в лице присяжных он призывается нами к решению фактической стороны дела, тогда как применение <…> закона предоставлено постоянным судьям». Однако со слов автора ряд факторов (корпоративный дух, фаворитизм, партийные интересы, косвенное воздействие, др.) вели к тому, что «постоянные судьи <…> способны оказаться пристрастными». И «благодаря такому отношению к делу, присяжные, – согласно выводу того же письма Джефферсона, – сделались самым твердым оплотом английской и американской свободы»[28].

В означенном исследовании М. М. Ковалевского Т. Джефферсон выступал как достаточно умеренный политик, трезво оценивавший деятельность должностных лиц и возможности рядовых сограждан и масс в целом. Джефферсон усматривал и обосновывал необходимость разделения ветвей власти, введение предвыборов руководителей, организацию системы «сдержек и противовесов» и допускал дозированное привлечение рядовых американцев к участию в управлении страной. На последующих страницах книги ее автор приводил и другие высказывания Джефферсона, его советы французам (в пользу двухпалатной системы [парламента] – создания верхней палаты – сената, проведение судебной реформы по «американским образцам» и организацию «провинциальных и муниципальных собраний»)[29]. Иными словами в работе Ковалевского Джефферсон впервые столь развернуто «заговорил» языком писем и советов, которые позволяли считать американца на тот период жизни скорее деятелем либерального толка, а не воинственным радикалом и пламенным демократом. Конечно в литературном наследии Джефферсона просматривались отдельные демократические принципы и нормы, но совокупность изложенных на основе американских и французских материалов положений книги Ковалевского в какой-то мере передавала устремления и либеральных кругов в России в преддверии революционного подъема. А идеал правового государства, опять-таки на американском примере, был существенно дополнен и развит известным российским ученым в его «Предисловии к русскому переводу» изданного в Москве труда В. Вильсона «Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений»[30].

В этом достаточно кратком предисловии М. М. Ковалевский с опорой на американский опыт тезисно обозначил те важнейшие характеристики, которые, по его мнению, отличали сформировавшееся в эпоху нового времени на Западе современное правовое государство. «Итак, – по мнению

российского профессора, – первая черта правового государства» проявлялась в участии «всех его граждан в разной только степени, в политической власти». А «вторая черта» заключалась «в свободе личного самоопределения» его граждан. Развивая свою мысль, Ковалевский обозначил очередное отличие «современного государства» в признании «за каждым из своих подданных, рядом с полной гражданской правоспособностью, большую или меньшую сумму публичных и политических прав». А «участие граждан в политической власти, другими словами, признание за ними политических прав», – указывал автор предисловия, – «достигается широким господством начала самоуправления общества». «В правовом государстве, – утверждал Ковалевский, – публичные права граждан гарантированы: с одной стороны – народным представительством, с другой – местным самоуправлением». В предисловии воспроизводились и навеянные общественно-политической жизнью Америки рецепты соблюдения законности и законодательства со стороны властей и других структур. Российский ученый подчеркивал признание за каждым американцем «права обжаловать пред судом те действия правительства, которые, затрагивая интересы частного лица, в то же время являются, в его глазах, явным нарушением существующих законов». Следовательно, судебные инстанции, вплоть до Верховного суда страны, также выступали гарантами прав и свобод членов общества[31]. Насколько такая возможность оставалась гипотетической или реализовывалась в заокеанской республике – это вопрос отдельный, но в переводе работа американца Вильсона и предисловие к ней известного российского ученого вышли в свет в революционном 1905 г. и апробированные американцами и отмеченные Ковалевским особенности (черты) правового государства и рецепты защиты интересов граждан во многом были привлекательны и для критиков и противников российского самодержавия.

М. М. Ковалевский в кратком предисловии к книге Вильсона не называл имен создателей правового государства в Северной Америке. Но лица, знакомые с историей США, понимали, что в числе таковых важное место занимал Т. Джефферсон и некоторые знаменитые его современники. А плоды их усилий и усилий последующих поколений, защитников прогрессивных институтов и традиций, Ковалевский как историк и юрист весьма активно отображал в своих работах, будь то лекции для студентов или слушателей курсов, работы исследовательского плана или статьи для периодической печати. Ведь в отличие от московского профессора С. Ф. Фортунатова его современник и коллега М. М. Ковалевский вел более

интенсивную преподавательскую и исследовательскую деятельность. Он был активен и в деле просвещения читательской аудитории в России и ее ознакомления с особенностями жизни американцев, их достижениями в налаживании управления обширной страны, в создании правового общества и по другим важным направлениям. Во многом названным целям послужили и наблюдения и впечатления Ковалевского во время его поездок за океан в 1882 и 1901 гг. Собранные тогда материалы позволили ему «по возвращению на родину написать серию статей об экономической, государственно-политической и общественной жизни США». Статьи изначально появлялись в выходивших в Москве и Петербурге газетах и журналах. Некоторые из таких публикаций «вошли позднее в работу, посвященную истории федеральной конституции, часть материалов была использована в его многотомном исследовании “Происхождение современной демократии”, в разработанном специальном курсе по истории американских государственных учреждений <…>, цикле публичных лекций, напечатанных затем в “Русских ведомостях”»[32].

М. М. Ковалевский отдавал приоритет изучению истории государства и права и сюжетов политического обустройства и управления в обществе, вопросов образования и религиозной тематике, но не забывал и жизненно важную для Америки и России аграрную тему. Он осветил ее в опубликованной в Москве в 1883 г. журналом «Русская мысль» отдельной работе, где отследил развитие земельного законодательства в британских колониях и в независимой республике и отметил то притягательное значение, которое возможности получения земли открывали перед массами американцев и мигрантов, к тому же пользовавшимися религиозными свободами. В этой статье историк выделил «знаменитый ордонанс 1787 года», которым американцы «доселе гордятся, как одним из величайших законодательных памятников», стоявшим в едином ряду «с декларацией независимости и федеральной конституцией» США. Ковалевский полагал, что этот важный ордонанс был плодом усилий многих знаменитостей, но все же называл Джефферсона и Кинга, как возможных его авторов. За Т. Джефферсоном ученый признавал и авторство важной статьи ордонанса 1787 г., запрещавшей рабство на Северо-Западной территории. В актив Джефферсона также была внесена и поддержка закона 1885 г., обязывавшего резервировать в каждом округе (в 36 кв. миль) одну секцию (в 1 кв. милю) для обеспечения нужд местного образования[33]. Таким путем читателям сообщали о демократических изменениях в Америке, автором и непосредственным участником которых выступал выдающийся американец. Эти материалы

Ковалевский неоднократно приводил и в более поздних своих работах (см. ранее эту статью).

Российский ученый «большое внимание» уделил «постановке и формам народного образования в США», распространению в этой стране периодической печати и книгоиздательства, высокому уровню грамотности ее населения. Он рассмотрел влияние, которое школы, колледжи и университеты оказывали на экономическое и культурное развитие общества. Усилия на ниве просвещения автор связывал с процессами формирования национальной культуры и самосознания североамериканцев и их национального характера, проявлявшихся в общественной жизни и воздействовавших на утверждавшиеся в стране порядки. Таковые Ковалевский обозначил термином «американская демократия» и он упоминал не только ее позитивные, но и «темные» стороны (например, «стремление к равенству», заставлявшее «даже самые выдающиеся личности» стушевываться «перед массой»)[34].

Вполне логично, что профессор Ковалевский рассматривал пути решения национального вопроса на материалах по истории Старого и Нового Света. Его интересовали позитивные и негативные итоги усилий американцев, на практике приступивших к осуществлению «идеалов европейского космополитизма». По мнению ученого, в движении к этой цели важное значение приобретала «проповедь на английском языке принципов свободы и гуманности, связанных с именем сколько же Шекспира, столько Франклина и Джефферсона». Такая пропаганда обращала «пеструю толпу старых и новых выходцев из всех концов мира в единую англо-американскую нацию». Поэтому многообразный опыт заокеанской демократии и республиканизма подсказывал некоторые решения в сложном сплетении национального и религиозного вопросов (включая и их культурный и языковой аспекты) в Российской империи[35].

М. М. Ковалевский стремился к объективному освещению и восприятию событий в истории США. Порой он сообщал сведения, раскрывавшие ограниченность устремлений и демократизма руководителей молодого государства, либо даже бросавшие «тень» на светочей демократии по-американски и демонстрировавшие ее серьезные изъяны. Историк относил Джефферсона к наиболее известным и влиятельным деятелям демократической ориентации, но и о нем приводились мало известные данные. Указывая на особенности и трудности в решении национального вопроса в Соединенных Штатах, Ковалевский фактически указал на избирательность заокеанской демократии и упомянул о том, что «уже

Джефферсон, отправляясь от мысли о необходимости полнаго разобщения белых от индейцев, открыто высказывался в пользу переселения их массами на правый берег Миссисипи. Эта мысль осуществлена была однако не ранее 1830 г., в президентство Джексона»[36]. Читатели в России, знавшие о трагических судьбах северо-американских индейцев, вряд ли могли трактовать это сообщение в пользу такой демократии и ее поборника Джефферсона.

Согласно собранным профессором Ковалевским материалам, демократические устремления американцев все же были сильны. Их развитию способствовали и успехи населения в организации и работе органов власти на местах, сложившихся в эффективную систему самоуправления. А она в ходе завоевания независимости вошла составной частью в государственно-политическую систему США и интересовала российскую общественность, осознавшую насколько местное самоуправление «несовместимо с самодержавием». Тема государственного устройства Соединенных Штатов затрагивалась и в связи с изучением общественно-политического и социально-психологического состояния американцев, а также влияния системы образования на жизнь в самых отдаленных районах страны[37]. Ковалевский отметил усилия пионеров по распространению «идеи государственности и гражданского общежития на американский Запад». Профессор выделил «тех Джефферсонов и Синклеров», деятельность и «воззрения которых определили собою дальнейшую судьбу» американцев. По словам ученого, эти руководители «хорошо осознавали, что во всеобщем образовании <…> [лежал] не только ключь к обращению полуодичавших колонистов в граждан свободнейших государств в мире, но и тот цемент, который должен сплотить в одну массу пестрый этнографический состав, какой представляло собою их первоначальное поселение»[38]. И эти утверждения обогащали представления о важных сторонах американской демократии, ее носителях и защитниках.

Направленность и формат статей М. М. Ковалевского в периодической печати не предполагал детального изучения описываемых событий и процессов и включал в основном сжатые упоминания об основных их участниках и творцах. И Томаса Джефферсона ученый относил к числу таковых. В то же время публикации Ковалевского отражали его стремление осмыслить ход американской истории, значение важных перемен в жизни заокеанского общества и государства. В этом отношении известный профессор сближался с петербургскими историками-американистами П. Г. Мижуевым и А. В. Бабиным. По общему же объему и наполнению

фактическими данными, изложению и осмыслению материалов, характеризовавших жизненный путь, воззрения и деятельность Т. Джефферсона, роль этого деятеля в жизни Америки, петербургские ученые имели определенные преимущества.

А работы С. Ф. Фортунатова и М. М. Ковалевского демонстрировали не спешное, но поступательное развитие российской американистики в целом и ее раздела – «джефферсонианы» в их московских вариантах. При этом М. М. Ковалевский приводил некоторые сведения, доказывавшие ограниченность или условность ряда демократических начал и перемен, за которыми стоял Джефферсон и другие видные его современники. Порой отмечались ошибки и собственно Джефферсона и его окружения, в отдельных случаях указывались и изъяны республиканизма и демократии по-американски. Однако не эти материалы и характеристики преобладали в публикациях Ковалевского. В разных по жанрам работах он характеризовал Джефферсона скорее как разумного либерала или осторожного демократа, а не как «отца» американской демократии. При чтении некоторых выдержек из сочинений Ковалевского вряд ли Джефферсон представал радикалом и ярым революционером, пламенным борцом за свободу и демократию для всех без ограничения его современников. Скорее известный американец выступал сторонником частичных, постепенных и поэтапных реформ и перемен, к наступлению которых еще надо было готовить общественность долгое время. Хотя американская тематика в научной и образовательной деятельности М. М. Ковалевского оказывалась как бы в тени его интереса к европейской и российской истории, но и к истории Нового Света ученый обращался неоднократно. При этом процессы политико-общественной жизни, текущие, часто грозные события в России, очевидно, накладывали печать на восприятие и трактовку материалов из прошлого Северной Америки. Представленные в научно-литературном наследии этого разностороннего автора американские сюжеты, позволяют отследить пути развития американистики в царской России. Такие материалы интересны и для специалистов, которые в историографии выделяют Петербургскую и Московскую исторические школы (течения) и стремятся определить и изучить их важнейшие черты. И практически спустя столетие работы М. М. Ковалевского вольно или невольно наталкивают вдумчивого читателя на некоторые тревожные мысли о состоянии и перспективах развития или хотя бы существования американистики как важной части исторических исследований в рамках такого важного центра науки и образования как

Санкт-Петербургский государственный университет и в целом в условиях современной России.

---

[1]*Могильницкий Б. Г.* История нового времени в России в пореформенный период // Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990. С. 303.

[2]*Тарле Е. В.* Сочинения в 12 томах / Глав. ред. А. С. Ерусалимский. М., 1957−1962. Т. 2. С. 197, 221; Т. 11. С. 11, 394; Т. 12. С. 104.

[3]*Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851−1916гг.). Библиография трудов М. М. Ковалевского // История и историки. Историографический ежегодник 1980. М., 1984. С. 298−337 (Особо. С. 303−330, 337).

[4]*Бодров О. В.* М. М. Ковалевский как историк Английской буржуазной революции XVII века // Clio Moderna. Зарубежная история и историография. Сб. науч. статей. Выпуск 4. Казань, 2003. С. 62−87 (Особо. С. 63).

[5]Там же; *Погодин С. Н.* Великая Французская революция в освещении М. М. Ковалевского // Clio Moderna. Зарубежная история и историография. Сб. науч. статей. Выпуск 4. С. 41−52.

[6]*Погодин С. Н.* Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб.,1997. С. 269−321; *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005.

[7]*Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского // Американский ежегодник. 1989. М., 1990. С. 155−173; *Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века (Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты 1881−1900 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

[8]М. М. Ковалевский был профессором: С.-Петербургского (Петроградского) политехнического института; С.-Петербургского и Московского университетов; Высших женских (Бестужевских) курсов в Москве. Подробнее см.: Ковалевский Максим Максимович // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. С. 375−377; *Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851−1916 гг.). С. 298−300; *Погодин С. Н.* Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. С. 270, 273−277, 281−285, др.; *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. С. 3−4, 8−12, 14−19, др.; *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского. С. 155−156; *Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века (Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты 1881−1900 гг.). С. 11−12, 23−24.

[9]Подробнее о полемике в научной среде по вопросу формирования исторических школ и определении их важных черт см.: *Дементьев И. П.* Введение // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С. 3−11 (Особо. С. 10); *Цамутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIII. Л., 1991. С. 5−19; *Каганович Б. С.* Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л., 1986; *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 106−108; *Панеях В. М.* Б. А. Романов об издании судебников XV–XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории России / Отв.

ред. А. А. Фурсенко. Л., 1991. С. 19−29 (Особо. С. 19−20). Итоги научной дискуссии кратко суммированы в работах: *Цамутали А. Н.* Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Часть I / Под ред. С. А. Кугеля. СПб., 1993. С. 138−142; *Ананьич Б. В.* О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. СПб., 1995. С. 78−86 (Особо. С. 78−79); *Погодин С. Н.* Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. Гл. I (Особо. С. 38−49).

[10]*[Ковалевский М. М.].* История политических учений новаго времени. Лекции, читанные проф. М. М. Ковалевским в С.-Петербургском Политехническом Институте в 1909−1910 гг. Изданные Студенческой Кассы Взаимопомощи при СПб. Политехн. Инс.1909-1910. СПб., [1910]. С. 199, 206, 207−209, 213, 230−232, др. *[Ковалевский М. М.].* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевскаго (1907−08 уч. год). Изд. Кассы Взаимопомощи СПб. Политех Институт. Студ. сост. С. Берштейн-Коган, Конст. Курсель. СПб., 1911−1912. С. 16−19, 29, 31, 37, 39, 49, 54−55, 66−85, 106−107.

[11]*[Ковалевский М. М.].* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевскаго (1907−08 уч. год). С. 40, 52, 69, 93, 106−107, 128.

[12]*Фортунатов С. Ф.* История Соединенных Штатов Сев. Америки. Выпуск II. 1912−13 уч. года. История Соедин. Штатов 19 века. М., [1913].

[13]*Ковалевский М. М.* От прямого народоправства к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т. М., 1906.

[14]*Ковалевский М. М.* Северо-Американские Соединенные Штаты // Политический строй современных государств. Сборник статей П. Г. Виноградова, В. М. Гессена, М. М. Ковалевскаго, Н. Е. Кудрина, В. М. Милюкова и М. А. Райена. М., СПб., 1905. Т. I. С. 272−400.

[15]Там же. С. 333−334, 351, 398; *Ковалевский М. М.* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевскаго (1907−08 уч. год). С. 40, 52, 69, 93, др.

[16]О списке лекционных курсов и других работ М. М. Ковалевского по американской тематике см.: *Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851−1916 гг.). С. 303−330 (Особо. С. 308, 310−313, 315, 316, 321, 323−325).

[17]*Ковалевский М. М.* История американской конституции. М., 1890− [1891?]. С. 3−80, 27−150.

[18]Там же. С. 72−73, 76, 78.

[19]Там же. С. 66, 70−73, 76−77.

[20]Там же. С. 131. Не столь эмоционально окрашенный рассказ о «состязании» за пост президента США между Джефферсоном и Бэрром помещен и в лекции М. М. Ковалевского за «1907−08 уч. год». См.: *[Ковалевский М. М.].* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевскаго (1907−08 уч. год). С. 95.

[21]*Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851−1916 гг.). С. 310−312, 324; *Ковалевский М. [М.].* Происхождение современной демократии. В 4 т. Издание К. Т. Солдатенкова. М., 1895−1897; *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 2-е изд. В 2 т. Издание К. Т. Солдатенкова. М., 1899−1901; *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 3-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб., 1912.

[22]*Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 2-е изд. Т. I. С. 259−329 (Особо с. 296−297, 321−322).

[23]Там же. С. 294−307, 318−321, др. (Особо. С. 298−301, 307, 320−321).

[24]Там же. С. 322−323.

[25]Обзор советов Джефферсона в отношении России см.: *Талья А. Ю., Ушаков В. А.* Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России). Гл. 3 (С. 63); *Партаненко Т. В., Ушаков В. А.* Взаимовосприятие России и Запада (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2006. С. 116−117.

[26]*Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 2-е изд. Т. I. С. 322−323.

[27]Там же. С. 297−298, 321.

[28]Там же. С. 325.

[29]Там же. С. 323−329.

[30]*[Вильсон В.].* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений / Перевод под редакцией А. С. Ященко. С предисловием М. Ковалевскаго. С приложением текста важнейших конституций. М., 1905. С. XXXIX–XLIII.

[31]Там же. С. XXX, XXXII–XXXV, XXXVII.

[32]*Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века (Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты 1881−1900 гг.). С. 23. См. также: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского… С. 155−157.

[33]*Ковалевский М. М.* Поземельная политика североамериканцев // Русская мысль. Журнал научный, литературный и политический. 1883. Кн. IV. С. 152−194 (Особо. С. 170−175, 177−178).

[34]*Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского… С. 158−160; *[Ковалевский М. М.].* Национальный характер североамериканцев. Публичная лекция профессора М. М. Ковалевскаго, читанная 10-го марта в пользу женских курсов при 3-й московской гимназии // Русские ведомости. 1883. № 71. С. 1−2; № 72. С. 1−2; № 73. С. 1−2 (Особо. № 72. С. 2).

[35]*Ковалевский М. [М].* Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава, 1906. С. 5-6; *Ковалевский М. [М.].* Национальный вопрос в Старом и Новом Свете // Вестник Европы. Журнал истории – политики – литературы. 1885. № 6. С. 668-731 (Особо. С. 697−731). См. также: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского… С. 170−171.

[36]*Ковалевский М. [М.].* Национальный вопрос в Старом и Новом свете… С. 719.

[37]*Ковалевский М. М.* Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестник Европы. Журнал истории – политики – литературы. 1885. № 2. С. 793−820 (Особо. С. 794−797, 810, 819). См. также: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского. С. 165−167; *Шершнева С. В., Ушаков В. А.* Конфликт и консенсус в ранней Америке: религиозный и психологический аспекты в освещении М. М. Ковалевского // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. Мат-лы XV Междунар. научн. конф. Санкт-Петербург, 11−12 мая 2004 / Под ред. Доктора исторических наук, профессора С. Н. Полторака. СПб., 2004. С. 191−194; *Шершнева С. В., Ушаков В. А.* М. М. Ковалевский о религиозной жизни в ранней Америке // Мавродинские чтения: 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Мат-лы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 152−154; др. работы.

[38]*Ковалевский М. [М.].* Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие… С. 812.